

таксиса — взаимоотношениям сказуемого и подлежащего — в языке с особо сложной структурой. В результате умелого использования новейшей методики автор

приходит к оправданным выводам, которые имеют существенное значение с точки зрения дальнейшего изучения синтаксиса прибалтийско-финских языков.

МЕРЛЕ ЛЕППИК (Таллин)

<https://doi.org/10.3176/lu.1988.2.13>

М. В. Мосин, Эволюция структуры финно-угорской основы слова в мордовских языках. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Саранск 1986.

28 сентября 1987 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Тартуском государственном университете состоялась защита докторской диссертации доцента кафедры мордовских языков Мордовского государственного университета М. В. Мосина «Эволюция структуры финно-угорской основы слова в мордовских языках».

Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук В. Палль (Таллин), доктор филологических наук Д. Т. Надькин (Саранск), доктор филологических наук И. Г. Иванов (Йошкар-Ола).

Современным финно-угорским языкознанием накоплен достаточно обширный материал для решения ряда фундаментальных вопросов развития финно-угорских языков и их ветвей. Сказанное в полной мере относится к теме работы М. В. Мосина. Постановка ее своевременна. Решение связанных с ней проблем обеспечивают, с одной стороны, известные изыскания Э. Сетяля, Х. Паасонена, Й. Синнен, Т. Лехтисало, В. Штейнитца, Б. Коллиндера, Э. Итконена, П. Равилы, П. Аристэ, П. Алвре, Б. А. Серебренникова, Д. В. Бубриха, В. И. Лыткина, П. Хайду и др., в которых выявлен общий лексический фонд, определены основные параметры фонетической, словообразовательной и словоизменительной систем финно-угорского языка-основы. С другой стороны, это уровень современного мордовского языкознания. Здесь необходимо отметить труды В. Палля и В. Халлапа по глагольному формо- и словообразованию, Д. В. Цыганкина по морфологии имени, словообразованию, основе знаменательного слова. Определенную лепту в

решение проблемы глагольной основы, прежде всего в синхронном плане, внес рецензент. Иными словами, в распоряжении современной науки есть точка отсчета — состояние финно-угорской основы — и «конечная» точка — современное состояние мордовской основы. Разделяют их тысячелетия и промежуточные состояния: финно-пермское, финно-волжское, общемордовское. И хотя промежуточные состояния хронологически ближе и, казалось бы, более достигаемы, они очерчены наукой не так четко. М. В. Мосин взялся за разработку этой относительно давно уже вырисовывающейся проблематики.

Рассматриваемая в работе тема многоаспектна, трудно охватить ее в одном исследовании. Автор сосредоточил свое внимание на материале мордовских и прибалтийско-финских (финского и эстонского) языков, исключив из объекта исследования марийский материал. Проблема финно-волжской общности таит в себе ряд загадок. Под вопросом волжская общность; по мнению некоторых ученых, под вопросом и финно-волжская общность. Обо всем этом автор обстоятельно пишет во введении. Ограничение объекта исследования позволило М. В. Мосину подробнее показать мордовско-прибалтийско-финские отношения в аспекте темы. И все-таки проблематика в полном объеме — как она видится в свете сегодняшних данных науки — предполагает включение и марийского, и даже пермского материала.

Развитие основы в работе исследовано на трех уровнях — фонетическом, морфемном и семантическом, каждому посвящена глава. Глава о развитии фонетической структуры главным образом представляет собой сведение под интересующим автора углом зрения финно-угор-

ских по происхождению основ из мордовских (эрзянского и мокшанского) и прибалтийско-финских (финского и эстонского) языков в сравнении с реконструированными формами языка-основы (уральского, финно-угорского или финно-пермского). Материал достаточно выверен, его исследование в сравнительно-историческом и сопоставительном планах высветило особенности звуковых процессов, определивших своеобразие фонетической структуры финно-угорской основы в мордовских языках. Рассматриваются вокализм первого и непервого слогов, консонантизм ан-, ин- и ауслаута, пристально прослеживается эволюция отдельных звуков и их сочетаний в различных позициях. Полученные данные сведены в таблицы. Результаты, по нашему мнению, получились достоверные. С помощью количественных характеристик показано, что хотя праязыковое состояние, к примеру в сфере вокализма первого слога, мордовские языки сохранили хуже прибалтийско-финских языков (в результате процессов лабиализации **a* (> *o, u*), сужения **a* (> *e, i*), **ä* (> *i, e*), **e* (> *i*), **o* (> *u*), расширения **i* (> *e*), перехода долгих гласных в соответствующие краткие и т. д.), кардинального преобразования системы гласных первого слога в них не произошло, ибо эти процессы в основном не были глобальными. Гласные **a*, **e*, **o* сохранились в большинстве случаев, несколько хуже **u*, **i* (30—35%), особая судьба у гласного **ä* (в мокшанском сохранился в 48% соответствий, в эрзянском в части диалектов смешался с *e*, в другой части развились обратные отношения с *e*). Обстоятельно рассмотрены развитие ауслаута основы, процессы в сфере консонантизма. У рецензента, однако, есть замечания по первой главе.

1. По существу обойден вопрос об ударении в слове. Известно, что в прибалтийско-финских (финском и эстонском) языках ударение привязано к первому слогу, в мокшанском тоже, но с закономерными исключениями, в эрзянском оно факультативное. Ударение через апокопу может оказывать и, видимо, оказало определенное воздействие на развитие рассматриваемых основ.

2. Среди фонетических процессов в области вокализма, повлиявших на оформление мордовской основы, почему-то выпав-

дение гласного первого слога упоминается, но не рассмотрено. В то же время это существенный фактор для оформления ряда основ, в том числе финно-угорского происхождения, например: *kšna*, *kšt'it'* и др. Учет данного явления необходим как при определении пределов древней непроемной основы, так и для ретроспективного восстановления путей эволюции. К примеру, при рассмотрении морд. *kuj/guj* < ур. **kije* или **küje* учет этого фактора и более широкое привлечение диалектного материала (который, кстати, привлечен лишь эпизодически) могли бы привести автора к несколько иной интерпретации (по Мосину: **küje* > **küj* > мокш. *kuj*, эрз. *guj*; по нашему мнению: **küje* > *kijuv* > *kju* ~ *kuj*, *guj*, ср. диал. *kju*, *kijuv*, *ku*).

3. Автор непоследователен в транскрипции ауслаута мокшанских основ на редуцированный гласный, в результате происходит смешение основ на *a* и *ə* (в мокшанском письме графически *a*), что искажает действительную картину. Например, мокш. *kiza*, *maksa* оказываются среди основ на *a*, как и *tolga*, хотя в инлауте *kizot*, *maksot*, но *tolgat* (с. 43, 44, 102 и др.).

Вторая глава посвящена рассмотрению тех изменений, которые претерпела финно-угорская основа на мордовской почве в аспекте словообразовательной морфемики. Анализ эволюции выполнен в целом добросовестно, с учетом современных достижений общего, финно-угорского и мордовского языкознания.

Автор исходит из общепринятого в финно-угроведении положения о двусложности знаменательного слова в языке-основе и, разделив весь обнаруженный состав сопоставляемых лексем на четыре архетипа (VCV, CVCV, VCCV, CVCCV), прослеживает изменения в их морфемной структуре. Исследуются различные морфонологические процессы (опрощение, переразложение, чередование звуков, усечение основы). Особые разделы посвящены рассмотрению продуктивности финно-угорской основы на словообразовательном уровне, продуктивности и регулярности суффиксов, их вариативности и правилам выбора. Выделены пласты исторически производной лексики с указанием относительной хронологии процессов опрощения. К сожалению, для общемордов-

ской общности особого слоя не найдено. Наши замечания по второй главе.

1. Думается, следовало бы предположить анализу фактического материала, особенно суффиксов, описание методики морфемного анализа. В предварительных замечаниях к главе автор вскользь говорит о проблеме протяженности морфем, границах между морфемами, последовательности их в основе слова (с. 97), но этим дело и кончается. Лингвистическое чутье и, видимо, изученный автором опыт предшественников помогли ему верно решать задачу при работе над материалом, но все же встречаются погрешности (отнесение *i* в составе *olgiine* (от *olgo*) к основе и интерпретация *olgo* — *olgiine* как чередования *o* — *i* (с. 163); то же относительно *a* в *potmaks* (от *potmo*), *pulakš* (от *pulo*) и др. (с. 164); в образованиях типа *četeñijams* (от *četeñ*) выделен глаголообразующий суффикс то *-ij-*, то *-ja* — вместо *-ija-* (с. 200, 212)). Необходимо подчеркнуть, что подобных погрешностей немного.

2. Обнаруживаются противоречия в интерпретации языковых фактов. Так, в разделе фонетики эрз. *čopača* анализируется как *čopa-ča* (диахронно) с *p < *ŋ* (ср. ф.-у. **šunje*) (с. 78), а в разделе морфемики — как сложное слово *čo-pača* и с финно-угорской основой сопоставляется лишь *čo-* (с. 143); последнее, видимо, ближе к истине. Морд. *jutko/jotka*, *kedǵekādǵe* толкуются то как имена, не вступающие в деривационные связи (с. 178—179), то как производные от соответственно *jutams/jotams*, *kedǵkād* (с. 199). Компонент *i* в *olgiine* (от *olgo*) интерпретируется то как элемент основы (с. 163), то как компонент сложного демунитивного суффикса (**j*). По нашему мнению, вторая интерпретация вернее.

3. Выводы, базируясь на достаточном материале, в основном не вызывают сомнений в своей достоверности, но есть несколько случаев, когда необходимые данные оказались вне внимания исследователя. Так, по Мосину, суффикс субъективной оценки *-ke/-kǵa* сочетается только с существительными (с. 207). Это ошибка: например, *pokš* 'большой' — *pokške* 'большенький', *pondakš* 'мохнатый' — *pondakške* 'мохнатенький', *pelaza* 'боязливый' — *pelaske* то же. Здесь, как и у су-

ществительных, все дело в исходе основы, а не в категориальной принадлежности слова.

При анализе продуктивности лексической основы на словообразовательном уровне не всегда в должной мере учитывается периферийный языковой материал. Так, морд. *luv*, *ovto/ofta*, *uča*, *inže*, мокш. *ponda*, *vaks* отнесены к основам, не имеющим деривационных связей в словообразовательной системе мордовских языков. Как же тогда быть с послелогамми (наречиями, послеложными местоимениями) *luvso*, *luvsonok* и др., *vakso*, *vaksson* и др., с дохристианскими личными именами типа *Ovtaj*, *Učaj*, *Inžut*, *Inževat*, которые и сейчас бытуют как прозвища, родовые имена, с диалектными образованиями вроде *pondaž* 'тучный человек'. Ошибочно отнесены к изолированным в деривационном отношении морфемам, кроме названных, *nal* (ср. *nalkšems*, *nalkš*), *tjč* (ср. *tjčk*, *tjčkad'ems*), *uške* (ср. *uškaz* — растение из злаковых, очень жесткое, с трудом поддается косьбе), *ñi* (ср. *ñizaña* 'теща'), *pando* (ср. *pandoms*) (с. 179—181). В список имен, деривационные связи которых ограничены именными категориями, ошибочно включены *kal* (ср. *kalijams*), мокш. *koñd'a* (ср. мокш. *koñd'ašt'ams* 'пригодиться'), *šive* (ср. *šived'ems*, *šivetd'ems*), *či* (ср. эрзСЗ *čilgadmoks* 'рассветать'); суффикс **-ni* (почему-то не обнаружен на эрзянской почве, хотя примеров среди отыменных глаголов достаточно, например, *tembeñd'ems* (от *tembe*), *ejendams* (от *ej*) и др.).

4. В двух параграфах (2.5.1 и 2.5.2) анализируются варьирование словообразовательных суффиксов и их сочетание с основами. Убедительно показан выбор варианта в соответствии с законами перезвучки и ассимиляции по звонкости-глухости. Но не всегда выбор регулируется этими законами, например, выбор простейшего суффикса многократности (*-še*, *-ñe*, *-no*, *-le*, *-je*). К сожалению, правила выбора варианта суффикса многократности не привлекли внимания М. В. Мосина.

В третьей главе исследованы изменения в структуре финно-угорской основы на уровне семантики. Выявлены общие

для сравняваемых языков тенденции и особенности. Убедительно показана неравномерность семантического развития и связанная с ней неравнозначность смыслового объема этимологически общих слов в мордовских и прибалтийско-финских языках. Определены основные экстралингвистические (для мордовских языков — многовековые экономические и культурные связи с тюркскими и русским народами, для прибалтийско-финских — с балтийскими и германскими народами) и внутрилингвистические (зависимость значения слова от употребления и сочетания с другими словами, метафора, сужение и расширение значений, переход в другие категории) факторы. Описаны способы семантических изменений в структуре слова, в том числе диффундирование (синхронное и диахронное), рефракция (дистантная и недистантная). Градированы по семантическим группам слова, сохраняющие тождество первичной формы и первичного значения ($A=A$, среди них выделены соматические слова, названия физических и физиолого-психических состояний и свойств, названия из сферы природы и др., всего 8 групп). Рассмотрены также различные отклонения от первичной формы ($A=A+B$, морд. $A+B=пбф. A$, морд. $A=пбф. A+B$).

Некоторые замечания по этой главе носят преимущественно технический характер.

1. Представляется, что автор напрасно отказался от количественных показателей при описании различных семантических сдвигов. Не лишней была бы и сводная таблица с приведением количественных данных.

2. В список морд. $A+B=пбф. A$ включено морд. *at'a* 'старик', причем расширение значения в мордовских языках иллюстрируется словами *at'am* 'гроза', *at'akš*

'петух', *at'avt* 'свекор', *at'aroz* 'спорянья' и т. д. Но это уже не диффундирование, так как между *at'a*, с одной стороны, и *at'a-m*, *at'a-kš* и т. д., с другой, отношения деривационные.

3. Остальные замечания носят частный характер. Детерминатив *bie, vie* употребляется при названиях населенных пунктов не только в северо-восточной части расселения мордвы (с. 246), но и в северо-западных, правда, в форме *bijo: Ivañbijo, Salmañbijo, Atiñbijo*. Корень *kirda* не изолирован в категории послелога (с. 257), ср. эрз. *kirdaš* 'ровесник'. На с. 282: «В мордовских и прибалтийско-финских языках сохранились одинаковые единицы счета до десяти, тогда как в других ветвях финно-угорской языковой семьи — только до семи». Здесь не учтены данные марийского языка: *kandaš, indaš* этимологически связаны с мордовскими и прибалтийско-финскими числительными со значениями соответственно '8' и '9'.

В целом можно констатировать, что автору удалось успешно решить тот комплекс проблем, связанных с эволюцией финно-угорского слова в мордовских языках, который он поставил в качестве цели исследования. Основные положения М. В. Мосина получены в результате хорошо выполненного анализа и обобщения достоверного материала, с применением объективных методов.

Оформлена работа хорошо, стиль изложения корректен. Построение материала последовательно и логично. Подробная членимость, таблицы и сводный список этимологий позволяют свободно ориентироваться в обширном материале, не теряя из виду ни определяющих тенденций, ни нюансов.

Д. Т. НАДЬКИН (Саранск)